



ВАСИЛИЙ ЮКСЕРН

ЧОТКНАР



**МАРЙЙСКЕ
ЛЕГЕНДЫ**



ВАСИЛИЙ ЮКСЕРН

ЙОТКАР

МАРИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ



Рисунки А. Фомина

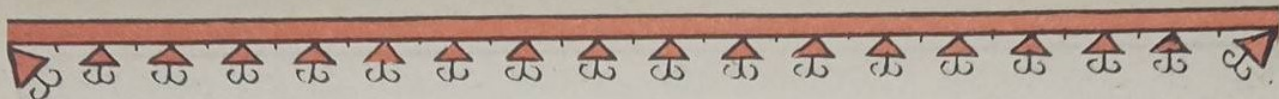
МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЙОШНАР-ОЛА 1974

С (мар)
Ю 27



© МАРИЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1974

Ю 0762-133
М 129-74 Заказ



ЧОТКАР



Жил да был в одной марийской деревушке бедный охотник Шумат. И родился у него сын Чоткар. Рос сынок не по дням, а по часам. В пять лет вместе с отцом уже на охоту уходил и косолапого медведя под себя подминал. А когда подрос, окрест не было ему равного по силе. И прозвали его Чоткар-Богатырь, а по-марийски — Чоткар-Патыр. Был Чоткар добр и приветлив к бедному люду, а богачей терпеть не мог. Любил он свой народ марийский, и народ отвечал богатырю горячей любовью.

В старые времена русские ещё не строили городов по берегам Волги-реки, а в соседних степях жили кочевники. И нередко нападали они на марийские селения. Вот однажды собрал Чоткар людей со всего лесного края и пошёл на них войною. Освободил он все захваченные земли и прогнал кочевников далеко в степь. С тех пор перестали они нападать на земли марийские.

Прошло много лет.

Чоткар состарился и занемог.

Со всех концов глухого лесного края стал собираться к нему народ.

— Дорогие мои! — сказал им Чоткар. — Прожил я долго. Пришла пора помирать. Похороните меня на высоком холме на виду у матушки-Волги.

Люди опечалились и заплакали. Тяжело им было расставаться со своим любимым богатырём.

Но Чоткар сказал:

— Не печальтесь, дети мои! Если будет вам трудно, придите ко мне на холм и крикните громко: «Чоткар, Чоткар, нас теснят враги!» И тогда я встану и помогу вам. Но только помните: звать меня надо лишь в самую тяжёлую минуту, когда увидите, что самим вам с врагом не справиться. А меч мой и щит положите со мной.

Умер Чоткар. И похоронили его на холме между деревнями Нурмучаш и Усола...

Шли годы.

Вокруг холма вырос густой лес, но в него никто не ходил, чтобы не тревожить покой Чоткара.

Между тем богатеи, которые хотели лишить простой народ его могучего защитника, задумали черное дело: подкупив мари́йца Эшполдо, уговорили его поднять Чоткара из могилы, зная, что если Чоткар будет однажды обманут, то второй раз он из гроба уже не встанет...

И вот пришел Эшполдо на могилу Чоткара, взошёл на холм и крикнул во всю мочь:

— Чоткар, Чоткар, нас теснят враги!

Раздался гром, холм содрогнулся, и раскрылась могила богатыря. Вихрь пронёсся над лесом так, что деревья согнулись, как тростники, и вышел из могилы Чоткар.

Он был все так же могуч и силен. Серебром отливали его седые волосы, а белая борода закрывала широкую грудь. В руке сверкал тяжёлый меч.

— Где враги? — прогремел он, сверкнув очами.

— Никого нет... — пролепетал Эшполдо. — Я только проверить хотел, правду ли о тебе говорят...

— Что ты наделал, несчастный! — горестно воскликнул Чоткар и медленно опустился в могилу.

Когда узнали обо всем этом кочевники, они решили воспользоваться тем, что мари́йцам больше неоткуда ждать помощи, и стали снова нападать на их земли.

И вот однажды, когда враги стали одолевать, мари́йцы, решили нарушить покой Чоткара-Богатыря. Они снарядили небольшой отряд и направили его к своему спасителю. Пришел отряд к заветному холму, поклонился до земли и крикнул в один голос:

— Чоткар, Чоткар, нас теснят враги! Помоги!

Тогда из могилы послышался горестный голос Чоткара:

— Не могу уж я больше подняться... Но вы не падайте духом, друзья мои. Пусть воины наши стоят крепко, сдерживая врага, а тем временем пошлите людей вверх по Волге, к великому народу русскому. Он не откажет вам в помощи. Вместе с ним вы одержите верх над любым врагом.

Так и сделали воины. Пришёл им на помощь великий русский народ, и общими усилиями навсегда очистили они марийскую землю от злых кочевников.

С той поры русские и марийцы живут и трудятся в постоянной дружбе.





ОНАР



далёкие, стародавние времена на берегу широкой Волги жил со своей старушкой-матерью марийский великан по имени Онар. И был он так высок, что Волга в самых глубоких местах ему едва до колен доходила, а когда шёл по лесу, то самые высокие деревья были ему до пояса. И толстые дубы, словно стебли конопли, ломались у него под ногами. Старушка-мать всегда говаривала:

— Ходи, сынок, осторожнее, людей никогда не трогай.

— А какие они, эти люди-то? — спрашивал Онар.

— Такие же, как и мы с тобой, только ростом пониже.

— Ладно, — соглашался Онар, — буду ходить осторожно.

Однажды Онар свернул с обычной своей дороги и на поляне увидал людей. Они показались ему такими крошечными, что захотелось посмотреть на них поближе. Поставил он к себе на ладонь нескольких человек с телегами и лошадьми, любовался на них, а потом решил позабавить старушку-мать — положил их к себе в карман.

— Посмотри, матушка, что я тебе принёс, — сказал Онар, когда вернулся домой, и показал ей людей.

Мать покачала головой и ответила:

— Нехорошо ты сделал. Разве можно в карман людей сажать, да ещё с телегами и лошадьми? Отнеси их на место и никогда больше не трогай. Ты лучше рыбу лови.

— Ладно. Завтра наловлю тебе полную корзину! А сейчас я отдохнуть хочу.

Растянулся Онар на лесной поляне и уснул. Ночью разы-

гралась буря. Но Онар так крепко спал, что и не слышал, как она бушевала над лесом, ломая и выворачивая вековые сосны.

Утром Онар проснулся и почувствовал, что ему что-то в глаз попало.

— Посмотри-ка, матушка, — говорит он, — чем это я глаза засорил?

— Пустяки, — сказала старушка. — Соринка.

И помогла вытащить еловый пенёк, попавший во время бури Онару в глаз...

Однажды пошёл Онар на Волгу рыбу ловить. Подходит он к берегу и видит: кто-то возится с его корзиной и ловит рыбу. А рыболов этот ростом хоть и пониже Онара, но тоже — не из маленьких и в плечах — косая сажень, а может, и больше.

— Ты кто такой? — спросил Онар. — Откуда взялся?

Обернулся пришелец, да как заругается:

— Как ты смеешь, мужик сиволапый, так со мной разговаривать? Я — царский сын! Убирайся вон отсюда, пока я не приказал отрубить тебе голову!

К таким разговорам Онар не привык.

— Ах, вот как! — рассердился он. — Мало того, что ты мою корзину забрал и в нашей реке рыбу ловишь, ты ещё мне угрожаешь!

Вырвал Онар корзину из его рук.

Рассердился царский сын, насупил брови и брезгливо поглядел на своего обидчика. Но Онар был спокоен. Глаза его горели. Царский сын схватил Онара за пояс и хотел повалить наземь, но Онар ловко увернулся и сам цепко ухватил противника. Завязалась между ними жестокая борьба.

— Погляди в последний раз на солнце! — рычал царский сын. — Ты его больше не увидишь!

— Хорошо ли ты простился со своим отцом? — насмешливо спросил Онар.

Долго они боролись, только на третий день могучий Онар измотал силы противника и так рванул его, что тот упал на колени и стал просить пощады, обещал много денег и даже сулил свою сестру Онару в жены и заморское царство в приданое.

Но Онар был неумолим. Он ответил:

— Не надо мне ни твоих денег, ни сестры твоей, ни заморского царства. Мне и здесь хорошо. А ты, покуда будешь жив, всё равно не перестанешь нападать на меня...

С этими словами Онар приподнял царского сына и со страшной силой ударил его о крутой берег Волги. Берег обрушился, завалил реку и мёртвого царского сына. Река разлилась широко-широко и затопила все ямы, которые образовались на месте битвы великанов. А на следующий день Волга пробила себе ход и потекла по старому руслу.

Онар устал и, тяжело ступая, пошёл в противоположную сторону от места боя. На Кадочниковом поле он сел и разулся, чтобы вытряхнуть землю, набившуюся в лапти. Высыпал землю из одного лаптя — получился высокий курган, высыпал землю из другого лаптя — вырос второй курган.

И курганы эти до сих пор стоят у нас: один — на Кадочниковом поле, а второй — около деревни Починской.





ПАКАЛДЕ

Не близко и не далёко, а в тех краях, где я родился, в гуще дремучего леса укрылось красивое озеро. Появилось оно давным-давно и долго оставалось безымянным. И лишь потом назвали его Пакалде.

Со временем слава о нём широко разнеслась по краю. О Пакалде народ грустные песни пел, легенды слагал.

...В очень давние времена, говорят, жил на свете добрый молодец по имени Пакалде. На изгибе реки Кокшаги, на самом берегу, поставил он небольшой домик.

Летом Пакалде рыбачил, собирал ягоды, промыслял диких пчёл. Зимой охотился на зайцев, изредка даже косолапого заставлял врасплох.

Так шли год за годом.

Однажды летом Пакалде ходил по лесу и вдруг встретил красавицу-девушку. Она была, как фея. Звали её Шымалче.

Полюбили они друг друга. Поженились. На месте маленького домика поставили новый, просторный дом.

Потом у них родилась дочурка Сылви. Она росла и расцветала, как бутон весеннего цветка. Своими ясными голубыми глазами, золотистыми косами и стройной фигуркой она очень походила на мать, когда та была такой же маленькой.

Родители не могли налюбоваться дочкой.

Но счастье семьи было омрачено. Пришло горе: умерла Шымалче, и остался Пакалде вдвоём с шестилетней Сылви. Долго горевал он, долго не мог смириться с несчастьем. Но

по-прежнему ходил на охоту, хотя и очень беспокоился о дочке: жалко ему было оставлять её одну.

Думал-думал Пакалде и решил снова жениться, чтобы у Сылви была мать, любящая и заботливая, а у него — хозяйственная жена.

Но мачеха оказалась ленивой, самолюбивой и злой.

С ранней весны Пакалде уходил на промысел. А Сылви без него шла играть на песчаный берег озера, которое весной, в половодье, и сейчас сливается с Кокшагой, и лишь после спада воды отделяется от реки полоской земли. Вода в нём сверкает то тёмно-зелёной, то синей лазурью. А берега летом — всегда в зелёном убранстве. Некоторые деревья, сгорбившись, наклоняются почти к самой воде. Небольшой ветерок — и они с шумом окунают в синеву её свои густые ветви.

Сылви любила играть на песке. Она рыла канавки, заполняла их водой, а около них строила песчаные домики.

«В этом доме буду жить с папой, а здесь пусть живёт моя мачеха», — говорила она себе.

Часто девочка ложилась на песок и подолгу глядела на небо, следя за полётом диких гусей.

«Почему они молчат? — думала Сылви. — Всегда слышно только, как своими крыльями рассекают воздух. Разве они не умеют говорить?»

Иногда Сылви громко упрашивала:

«Гуси-гуси! Я хочу услышать ваш голос! Ну покричите же! Ну скажите что-нибудь!..»

Самыми светлыми днями у Сылви были те, когда отец бывал дома.

Однажды она подошла к нему задумчивая и спросила:

— Видел, папа, сегодня снова пролетали дикие гуси?

— Да, видел, — отозвался Пакалде.

— Почему же они не поют, даже не кричат? Другие птицы у озера такой гвалт поднимают...

— Они, доченька, прилетают сюда из далёких краёв. В пути очень устают, им не до песен.

— Значит, и ты, папа, устаёшь: иначе ты бы не молчал дома. При моей маме ты был совсем другим.

— Ладно, ладно, доченька...

В старину, когда жили на свете Пакалде и Сылви, гуси и вправду не умели гоготать.

На другой день Сылви снова пришла с утренней зарёй на

песчаный берег. Кругом слышалось птичье пение. А гуси над головой пронеслись всё так же беззвучно. Сылви помахала им ручонкой.

— До свидания, безголосые птицы!

За игрой девочка и не заметила, как наступил полдень. Сылви лишь теперь поняла, как она сильно проголодалась. И побежала скорей домой.

Пришла домой, а дома мачеха всё еще нежилась в постели.

— Уж полдень... а я всё спать хочу... — сказала она, томно потягиваясь, когда вошла Сылви. — А-а-а... это ты...

Мачеха поднялась, подошла к печке. Взяла сушеную зайчатину и принялась за еду. Уплетая один кусок за другим, она, как бы дразня Сылви, произнесла.

— Ах, вкусное мясо! Молодец, Пакалде, много настрелял зайцев, на всю зиму хватит.

«Опять она не даёт мне есть, — думает девочка. — А я сегодня даже не завтракала».

Мачеха и не взглянула на Сылви.

«Какая недобрая у меня мачеха...».

Сылви отвела взгляд от стола, опустила голову, глаза наполнились слезами.

В это время мачеха встала из-за стола, несколько раз облизнула пальцы, затем кинула к порогу обглоданную кость и сквозь зубы промолвила:

— На, ешь! А потом убери со стола, вымой пол, принеси воды.

Вернулся с охоты отец. Девочка бросилась к нему, горько-горько заплакала.

— Папа! Папочка...

— Что, доченька, соскучилась?

Пакалде сел с ней на лавку и стал гладить её по голове. Затем спросил жену:

— Почему так похудела Сылви? Остались кожа да кости. Уж не заболела ли?

— Глупости говоришь! — грубо отозвалась мачеха. — Поменьше бы бегала, дармоедка! Живёт, как ленивый котёнок...

Пакалде ни единым словом не стал перечить жене. Обняв дочку, вышел из дома.

Шло время. И вот что случилось в один из осенних дней, когда Пакалде охотился в лесу.

Мачеха принесла заготовленную им дичь и принялась за еду. Девочка подошла к столу, долго следила за тем, как мачеха ест. А та, как обычно, даже не оглянулась.

«Мясо-то, наверное, очень вкусное. Эх, хотя бы попробовать», — подумала голодная девочка.

Сылви невольно протянула руку к мясу. Мачеха взмахнула острым ножом, и кончики двух пальцев девочки остались на столе. Сылви громко закричала и с горькими слезами выбежала из дома.

— Папа! Папочка!..

Она прибежала к любимому озеру, села на песок, положила окровавленную руку на колени и пуще прежнего залилась слезами.

В это время над озером пролетала стая диких гусей. Они спешили в теплые края. Услышав плач, стая опустилась на песчаный берег озера и окружила девочку.

Птицы нежно дотрагивались до девочки крыльями, будто хотели сказать: «Не плачь».

Вдруг один гусак заметил кровь и, поражённый, поведал об этом остальным. Те стали осторожно поглаживать окровавленную руку Сылви.

Растроганная девочка сказала:

— Милые мои гуси! Помогите. Спасите меня от злой мачехи с черным сердцем..

Взволнованные судьбой Сылви, гуси очень опечалились, из их глаз полились слёзы и в подражание всхлипу девочки раздался плач-гоготанье. Так гуси научились говорить.

Гоготанье было таким громким, что разнеслось далеко по лесу. Его слышал Пакалде. Охотнику почудилось, что с дочерью что-то неладно, и он поспешил домой.

Ближе и ближе подходил он к озеру, и гусиное гоготанье становилось всё громче и громче. Пакалде взглянул на берег: он бел от гусей. Увидел у озера и свою Сылви, испугался: ведь гуси заклюют её!

Пакалде скинул с плеча ружьё. И, заметив это, гуси встрепнулись. И в этот же миг на спине Сылви вдруг выросли два крыла. Девочка превратилась в гуся и затерялась в стае.

Гуси стремительно взлетели в небо. От них отделился один, самый маленький. Он пролетел над Пакалде и прокричал человеческим голосом:

— Прощай, отец! Прощай, папочка!

Пакалде понял: это — Сылви. Бросил ружьё и побежал за гусиной стаей.

Но гусь больше ничего не сказал, прощаясь, лишь махнул крыльями.

И вскоре вся стая скрылась вдали.

Пакалде долго смотрел за стаей. Горе подкосило колени, и он заплакал. Не помня себя, побежал к озеру и бросился в воду. Поплыли по озеру лёгкие круги, и вода в нём вдруг стала светлой, как слеза.

Вот с того времени и называли озеро Пакалде.

Близ его есть второе озеро, поменьше первого. Его называют Чёрным... Сылви, превратившись в гуся, улетела от отца и плакала, её горькие слёзы огненными искрами упали на дом Пакалде. Дом запылал, и злая мачеха сгорела в нём.

Прошло немного времени, и на месте пепелища провалилась земля. Яма наполнилась водой. Вода в ней стала чёрная-пречёрная. Посмотришь — страшно. Не водится в этом озере рыба, люди забыли тропу к нему, звери обходят его стороной.





КАНАЙ и ДРУГИЕ



та легенда дошла до нас из глубокой древности. В то самое время Луна была румяная и весёлая, как и её старший брат Солнце. И Смерть была тогда молодая и добрая. Она лишала жизни только старых и неизлечимо больных.

Вот в ту-то пору в деревне Варангуш и жили старик со старухой. Старика звали Канай, а старуху — Сылган. Душой своей они напоминали жгучую крапиву, а разговором — горькую полынь. Они денно и ночью молились богу, чтобы тот сохранил им жизнь, а соседей — скорее отправил на тот свет.

Но соседи их молодые, работающие. Живут и горя не знают.

— Э-хе-хе, — загоревал Канай, — видать, судьба такая нам уготована: умереть раньше соседей.

Услышав это, Сылган залопотала, словно ошпаренная:

— Умереть?! Э, нет!.. Лучше мы погубим саму Смерть!

— Саму Смерть! А как? — Канай встрепнулся.

Старуха Сылган позвала его к окну. Сели они рядом на широкую скамейку, и Сылган поведала мужу свои тайны.

... Однажды Смерть шла по деревне Варангуш. Канай решил её заманить к себе. Открыв окно, умоляюще заговорил:

— Зайди к нам, уважаемая.. Моя любимая старушка вот уже сорок ночей не встаёт с постели. Собирается душу свою богу отдать, да не может... Не откажи ей Помог.

Доверчивая Смерть зашла в избу. И только успела она переступить порог — на неё коршуном набросились Канай и Сылган. Связали ей руки-ноги и затолкали в мешок. А потом, дождавшись, когда наступит полночь, потащили мешок к озе-

ру. Там привязали к нему тяжёлый камень. Притаившись, послушали, огляделись кругом: не следит ли кто? И столкнули Смерть с крутого берега. Раздался всплеск.

— Эй-ей!.. Почему нарушается ночной покой?..

Онемели Канай и Сылган, задрожали.

— Думаете, не знаю, что вы утопили Смерть? Знаю, — слышался всё тот же голос.

— Ой, господи! Никак, Луна нас подглядела! — сказал Канай и рухнул на колени. Рядом с ним опустилась и Сылган.

Канай, устремив взор на Луну, взмолился:

— О, милая Луна! Ты посмотри на себя — какая ты красивая! Как нежны и милы твои глаза!.. Я стар, живу в постоянном страхе: ведь если умру — больше никогда не увижу тебя. Не гневайся на нас, дорогая Луна. Не выдай нас... Ты мудрее Солнца и милее его. Заговоришь — заслушаешься тебя: твой голос звонче гуслей многострунных. А душевность твоя нежнее и мягче пуха лебяжьего... О, милая Луна, не гневайся на нас! Прости наш грех!.. Мы со старухой своей везде будем возносить твою красоту, твой ум. Мы знаем, во имя тебя слагает свою чудесную песню соловей. Не будь тебя — не будет и душеозаряющей песни его.

Луна по своей молодости тогда была очень честолюбива. И лестные слова хитрого Каная слушала умилённо, с замиранием сердца. А услышав о красоте своей, она посмотрела на зеркальную гладь озера и впервые за всю жизнь увидела отражение своё.

Да, оказывается, она и вправду красива и мила!..

Луна улыбнулась.

— Ладно. Пусть будет по-твоему, — сказала она Канаю. — Но знай, если ты нарушишь клятву свою, если ты перед Солнцем уронишь честь мою и славу, то и тебе со своей старухой быть на дне озера...

С тех пор прошло много лет. Много людей состарилось. А у некоторых и ходить сил не стало. Их жизнь, счастье и радость в прошлом обернулись теперь горем и обузой. Но Смерть не шла к ним.

Тогда люди стали жаловаться Солнцу. Ведь они знали, что ласковое Солнце всем давало жизнь, обогревало.

— Дорогое красное Солнышко, — говорили люди, — найди ты нашу Смерть. Прожили мы очень много, ходить уже сил нет. Пора нам и на покой.

Пожалело Солнце старых, дряхлых людей и сказало:
— Немедленно разыскать Смерть!

Долго искали Смерть, но найти не могли. Тут Солнце рассердилось, ещё жарче загорелось. Позвало Ветер и приказало:

— Облети весь свет и ещё раз объяви: искать Смерть лучше. И если кто её спрятал или знает, где она, да не говорит, тот будет наказан строго — спалю начисто!

Ураганом помчался Ветер. Зашумел по лесам, завыл в пустынях и горах. Бурей разыгрался в морях-океанах.

Услыхала грозный приказ Солнца и маленькая серебряная Звёздочка. Затрепетала от страха, скатилась к красному Солнышку и дрожащим голосом сказала:

— Не губи нас, маленьких Звёздочек, дорогое Солнце! Я долго молчала. А теперь скажу. Ведь я видела, как старик со старухой утопили Смерть в озере. Я рано вышла тогда на небо и, играючи, скользила по облакам. Только успела выскочить из-за одного небольшого облачка — оказалась рядом с твоей сестрицей Луной. Она тоже наблюдала за злодеянием старика и старухи. Я позвала её на спасение Смерти. Но твоя младшая сестра пригрозила мне: «Если будешь лезть не в своё дело, я тебя не пощажу...» Вот я и молчала.

Солнце разъярилось.

— Схватить Луну! — приказало оно Ветру.

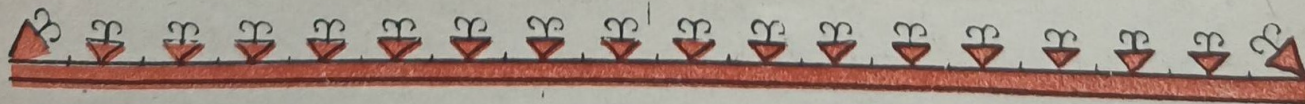
Услышала Луна об этом и очень испугалась. Побледнела. И убежала на другую сторону неба, в недостижимую даль. С тех пор она боится подойти к своему старшему брату Солнцу. А когда вспомнит, что пострадала из-за своего тщеславия, ей становится стыдно, и она уходит за тучи.

Долго искало Солнце Каная и Сылган. И маленькая Звёздочка тут оказалась бессильной помочь ему: она просто-напросто не запомнила то озеро. Наконец злоумышленники были найдены, закованы в цепи и брошены в то озеро на съедение рыбам.

Разыскиали и мешок со Смертью. Вытащили его. Но от прежней Смерти остался лишь страшный скелет.

Рассвирепела костлявая Смерть на людей и стала мстить им.

Она и теперь не щадит никого: косит всех подряд, стоит только кому смиренно опуститься перед ней на колени.





ОХОТНИК САЙГЕЛДЕ

Кругом лес — тёмный и дремучий. Внизу тихо журчит река, извиваясь в крутых берегах. Над водой клубится густой туман...

На берегу стоит охотник Сайгелде. То поглядит вниз на реку, то вверх на густую крону могучей сосны, что растёт над обрывом. Сайгелде, как всегда, в своей белой домотканной одежде. На голове войлочная шляпа — тоже белая. Он загорелый, смуглый. Наверное, от этого на скуластом лице его большие глаза светятся голубыми светлячками. Из-под белой шляпы выбиваются пряди густых каштановых волос. Сайгелде — знатный охотник. Отлично знает он повадки каждого зверя. Но сегодня вышел Сайгелде на особую охоту — не за зверем, а за мёдом. Потому и снасть у него сегодня с собой особая: через плечо его перекинута туго смотанная в круг верёвка с крюком на конце, а у ног стоит деревянное ведро.

Поднялся Сайгелде раньше соловья, умылся утренней росой. Охотник должен рано вставать. Проспишь — только локоть свой облизнёшь. Ведь пчёлы не ждут. Только солнышко росу высушит — их след простыл. Ищи тогда пчелиное гнездо, как ветра в поле.

Сайгелде поднимает голову и, неслышно ступая обутыми в лапти ногами, в который раз обходит вокруг раскидистой сосны, внимательно оглядывая её до самого верху. Вон там, саженьях в десяти над землёй виднеется в стволе чёрная щель. Это и есть, наверное, борт — пчелиное гнездо.

По утрам над рекой холодно. А, может, это кажется Сай-

гелде, потому что его белая одежда пропиталась росой. Рубаха из толстого холста намокла и, будто панцирь, облегает плечи и грудь.

«Ничего, — скоро выглянет солнце, — ободряет себя Сайгелде, — поднимется, подсушит росу, и пчёлы вылетят из гнезда».

Пчёлы ведь только и ждут пока просохнет роса — боятся промочить свои нежные, лёгкие, как пушинка, крылышки. Пчёлы полетят искать цветы, а Сайгелде полезет за мёдом.

Туман над рекой рассеивается, стелется густой пеленой над водою. Вот он выполз на берег и, оставляя на траве сверкающие, как бисер, капли, скрывается в густой чаще. Вода в реке только что казалась тёмной, мрачной и вдруг засверкала зеркальными блёстками. Это появился на небосклоне светлый край солнца. Солнце поднимается всё выше и выше, выплескивая на поляну тепло первых лучей. И вместе с солнечным светом разливается вокруг аромат трав и цветов.

Проходит ещё немного времени, и над головой охотника раздаётся мерное жужжание. Пчёлы! Значит Сайгелде не ошибся. Не зря пришёл он сюда чуть свет.

«Ну теперь пора!» Сайгелде прицепил к поясу ведёрко, снял с плеча верёвку, размотал её, раскрутил над головой и резко бросил вверх. Верёвка стрелой взлетела до самой макушки сосны и, как того хотел Сайгелде, зацепилась деревянным крюком за толстый сук. А Сайгелде, обернув себя верёвкой несколько раз вокруг пояса, крепко завязал её второй конец, разбежался, оттолкнулся от земли и, быстро перебирая, обутиными в лапти ногами, засеменил вверх по широкому стволу, словно по гладкой дорожке. Руки охотника так ловко перебирают верёвку, что кажется Сайгелде просто скользит по ней вверх. Вот уже он высоко-высоко над землёй...

Но оказалось, что не только Сайгелде решил сегодня добраться до пчелиной борти. В эти же утренние часы бродил неподалёку другой охотник. Он тоже не прочь отведать мёду.

Нет, этот охотник не был похож на Сайгелде. Огромный, лохматый, косолапый, он бродил по лесу, сердито принюхиваясь своим чёрным носом и мотая из стороны в сторону головой, будто отгонял назойливых мух. Это был страшный бурый медведь. Его побаивалось всё лесное зверьё, особенно если медведь был в дурном настроении. А приходил он в дурное настроение всякий раз, как только что-нибудь мешало

ему позавтракать или пообедать. И уж, конечно, очень сердился, когда ему не удавалось полакомиться мёдом. О-о, тогда он становился злым, как перец. Шагал напролом, не разбирая дороги, как ураган ломал всё вокруг. «Медведь! Слышите, идёт свирепый, злой медведь!» — шептались звери и прятались кто куда.

Сегодня бурый медведь был особенно зол. Ещё рано утром напал он на след человека. И теперь грозно ворчал:

— Опять этот человек! Я чую его дух. Ну, попадись он мне только! Будет знать, как лазить за моим мёдом!

Медведь сердился не зря. В который раз уже так получается, что из-за человека попадает он в беду. Бывало, бродит он, бродит по лесу в поисках пчелиного дома. Не так-то просто найти его в гуще ветвей. Наконец, найдёт, обрадуется, вскарабкается на дерево, сунет лапу в гнездо, а там — пусто. Кто-то здесь уже побывал и выгреб весь мёд. Ну как тут не рассердиться? Мало того, что какой-то наглец весь мёд до капельки съел, ещё и пчёл растревожил. Пчёлы злобно жужжат, со всех сторон налетают на медведя. В прошлый раз одна пчела ужалила его прямо в нос. До сих пор мотает медведь головой, пытаясь унять боль.

Сегодня с самого утра шёл медведь по следу за человеком и наконец вышел на ту самую поляну, где под сосной стоял охотник Сайгелде. Как увидел медведь охотника, вся шерсть у него от злости встала дыбом. Вот он какой, значит, его обидчик! Стоит, как ни в чём ни бывало, и на сосну поглядывает. Опять хочет забрать мёд.

— Ну погоди! Сегодня я с тобой расправлюсь! — проворчал медведь. Спрятался в кустах и стал наблюдать за охотником...

Сайгелде вскарабкался по своей верёвке на сосну, уцепился за сук, подтянулся, а потом и вовсе уселся на нём передохнуть. «Посижу немного, — думает, — отдохну и полезу дальше. Пчёлы ещё нескоро прилетят, как раз успею набрать полное ведёрко мёда. Вот обрадуется моя дочурка Саскавий». Только успел подумать об этом Сайгелде — вдруг чуть с сосны не свалился со страху: прямо к его дереву приближается большой бурый медведь. Даже отсюда с высоты было видно, какой он сердитый. С каждым шагом шерсть на его спине вздымается, как пена. Глаза горят, будто два красных огонька. Медведь подошёл к сосне, встал на дыбы и заревел так страшно, что с сосны посыпались шишки.

— Вот ты мне и попался! — ревёт косолапый, — сейчас я до тебя доберусь!

Карабкается медведь на дерево, а Сайгелде сидит ни жив ни мёртв, никак не может сообразить, что же теперь делать. Хорошо ещё, что когти его заскользили по стволу, и бурый хищник сполз вниз. Тут Сайгелде немного пришёл в себя. Поднялся, ухватился за следующий сук и полез выше. Но и медведь снова стал взбираться на дерево.

Всё выше поднимается Сайгелде, а медведь — за ним. Охотник уже на самой вершине. А она гнётся, качается, того и гляди обломится.

«Эх была бы у меня вторая верёвка! — тоскливо думает Сайгелде. — Перекинул бы я её сейчас на другое дерево и сам бы перескочил туда, как белка».

Но второй верёвки у Сайгелде нету. А медведь... Охотник уже чувствует его горячее дыхание. Разъярённая медвежья морда у самых ног Сайгелде. В отчаянии толкнул Сайгелде медведя ногой. Из всех сил толкнул, но для медведя это вроде комариного укуса. Не успел Сайгелде опомниться, как медведь схватил его за ноги, дёрнул, и вот уже охотник висит в медвежьих лапах вниз головой.

«Пришла моя смерть, — думает Сайгелде, — сейчас как швырнёт меня вниз с этой высоты...»

Но медведь не сбросил человека на землю. Он ещё раз потряхнул его в воздухе и прижал, ну просто припечатал к дереву. Да ещё и верёвкой обмотал. Потом расколол борт и принялся поедать мёд. Тёплый, как парное молоко, светло-янтарный мёд очень понравился медведю. Он ел и ел, и маленькие его глазки светились от удовольствия. А у бедного охотника от густого медового запаха даже закружилась голова.

Занявшись мёдом, медведь больше не обращал на Сайгелде внимания. Может, он решил, что достаточно наказал своего обидчика, а может, просто позабыл о нём. Медведь не тронул охотника. Наелся до отвала и, тяжело сопя, стал спускаться вниз.

«Ушёл!» — облегченно вздохнул Сайгелде, прислушиваясь к затихающему шороху. Но радовался охотник недолго. Как ни старался он освободиться от верёвки, никак не смог. И ноги привязаны и руки, да ещё так крепко. Стоит пошевелиться — верёвка впивается в тело.

«Что же теперь со мной будет? — думает охотник. — Сколько

раз ставил я в лесу ловушки на зверей, а теперь вот сам попался. Видно, мне уже не выбраться отсюда».

Безжалостно припекает солнце, даже в густых ветвях становится всё душнее. Солёный пот стекает по лбу и жжёт глаза, а Сайгелде даже утереть его не может. И опять думает Сайгелде:

«Хоть бы ветерок подул, может быть, стало бы легче дышать. Хоть бы туча брызнула дождиком, может быть, удалось бы немного промочить пересохшее горло. Хоть бы ласточки пролетели мимо, может быть, удалось бы попросить их, чтобы слетали они в стойбище, где живёт Сайгелде, и передали бы его дочке Саскавий, какая беда приключилась с её отцом. Уж дочурка что-нибудь бы придумала, освободила бы отца. Даром, что маленькая, зато умная и ловкая, как мальчишка».

Но ни ветер не дул, ни туча не появлялась, ни ласточки не пролетали. А прилетели пчёлы. Прилетели, увидели своё разорённое гнездо и набросились на Сайгелде. Бранят его, бьют крылышками, жалят.

Прошёл день. Ночь прошла. Наступило новое утро. А бедняга Сайгелде все висит на дереве, туго привязанный к стволу. Совсем уже из сил выбился. Закрыв глаза — и кажется Сайгелде, что он разговаривает со своей любимой дочкой. «Здравствуй, дочурка, — говорит он, — я пришёл с охоты и принёс тебе полное ведёрко свежего пахучего мёда! Но на самом деле, Сайгелде ничего не говорит, только стонет чуть слышно.

Вдруг донёсся до охотника тоненький голосок. Может, это и в самом деле его дочурка Саскавий прибежала? Открыл Сайгелде глаза и видит: сидит перед ним маленькая белочка.

— Человек, человек, что с тобой? Почему ты здесь на дереве висишь? Я тут всегда играю и никогда раньше не видела тебя.

— Ох, белочка, — отвечает Сайгелде, — приключилась со мной беда. Будь добра, помоги мне.

— А чем я могу тебе помочь? — спросила белочка.

— Сбегай на стойбище. Это недалеко. Разущи там мою дочку Саскавий и приведи её сюда.

— Хорошо, — сказала белочка и поскакала по деревьям.

Вдруг слышит маленькая белочка, как вдогонку ей кричит белка-мать:

— Ты куда спешишь, дочка?

Рассказала маленькая белочка своей маме о просьбе Сайгелде и собралась скакать дальше — уж очень хотелось ей поскорей помочь человеку. Но белка-мама остановила её.

— Подожди, подожди, — сказала она. — Ты ещё глупенькая и ничего не понимаешь. Этот Сайгелде — охотник. Не раз видели его здесь в лесу. Может, это он и убил твоего отца, меня вдовой оставил, а тебя — сиротой. Нет, не будешь ты у него в посыльных ходить. Пусть сам справляется со своей бедой.

Грустно маленькой белочке. И человека жаль, и неловко ей оттого, что пообещала она помочь ему, а слова своего не сдержала. Но не смеет она послушаться, нарушить материнский запрет.

Прошёл день. Ночь прошла. Наступило новое утро. Выбежал на поляну поиграть маленький зайчонок. Приседает, кувыркается в мягкой траве. Вдруг слышит: откуда-то доносится тихий стон. Остановился зайчонок, захлопал своими длинными ушами, поглядел вокруг своими раскосыми глазами — никого не видно. «Показалось, наверное», — подумал зайчонок и снова давай резвиться. Доскакал он до большой сосны, стоявшей на высоком берегу, и опять услышал стон. Остановился зайчонок, захлопал длинными ушами, поглядел своими раскосыми глазами. Только в прошлый раз он по сторонам глядел, а теперь — вверх, сначала одним глазом, потом — другим. И увидел Сайгелде.

— Человек, человек, — запищал маленький зайчонок, — почему ты там на дереве висишь? Я часто здесь играю и никогда тебя не видел.

— Ох, зайчонок, — отвечает Сайгелде, — приключилась со мной беда. Будь добр, помоги.

— А чем я могу тебе помочь? — спрашивает зайчонок.

— Скачи, дорогой зайчик, на стойбище, — шепчет Сайгелде, — приведи сюда мою дочку Саскавий. Она живёт в самом крайнем домике, совсем близко. — Шепчет Сайгелде, а сам думает: «Не услышит зайчик моих слов». Но зайчик услышал, пропищал:

— Хорошо, дяденька! — И поскакал выполнять просьбу.

Вот уже и лесная опушка. Дальше — поле. А за полем — стойбище. Наверное, в этом крайнем домике и живёт дочка Сайгелде.

«Сейчас отдышусь, — думает зайчик и поскачу дальше, перебегу через поле, постучу в дверь». Только собрался зайчик

бежать через поле, как вдруг услышал собачий лай. Насторожил уши, забился под куст, лежит и дрожит. Тут и нашла его зайчиха-мама.

— Ну и напугал ты меня, — говорит. — Куда это ты собрался?

Рассказал зайчонок зайчихе-маме о просьбе Сайгелде. А она рассердилась:

— Ах ты глупенький! Разве ты не слышишь, как громко лает собака? Может быть, это та самая, которая в прошлый раз на нас бросилась. Я её тогда от тебя подальше увела, и она ещё долго гналась за мной. Едва спаслась я от неё. Нет уж никуда я тебя не пущу! Пусть этот человек сам справляется со своей бедой.

Грустно зайчонку. И человека жаль и неловко ему оттого, что не выполнил он своего обещания, но не смеет он послушаться материнского слова.

Прошёл день. Ночь прошла. Наступило новое утро.

Над сосной, где висит привязанный к стволу охотник, кружит чёрный ворон. Ждёт добычи. Громко каркает, приглашая гостей на предстоящий пир. Но Сайгелде не слышит вороньего карканья. Снится ему, что пришёл он к себе домой и принёс своей дочке Саскавий ведёрко тёплого, как парное молоко, пахучего мёда. Радуетя дочка подарку, хохочет...

И уже перед вечерними сумерками вышла погулять на поляну выдра. Услыхала воронье карканье, увидела, как кружит ворон над сосной, подняла голову, повела носом. Нюх у выдры чуткий, глаз — острый. Сразу заметила она висящего на дереве человека. «Чудно, — подумала выдра, — каждый вечер я тут гуляю и никогда не случилось мне увидеть человека на дереве». Любопытно стало выдре: отчего это он там висит. И полезла она на дерево. Вьюном взобралась по шершавому стволу и уселась на ветке возле Сайгелде.

— Человек, человек, почему ты здесь висишь? — спрашивает выдра. — Кто тебя привязал верёвкой к стволу?

Отвечает Сайгелде шепотом. Громко говорить сил нету.

— Сбегай, пожалуйста, в стойбище, позови дочку мою, Саскавий, может, она сумеет меня освободить. — Сказал и совсем умолк. — А потом чуть-чуть приподнял голову и прошептал едва слышно: — Я и белочку просил. Она обещала выполнить мою просьбу, да потом раздумала. Я и зайчика просил. И он тоже обещал, но так и не сдержал своего слова. Неужели и ты меня обманешь?

Задумалась выдра. Поняла, почему звери отказались помочь Сайгелде. Сидит и не знает, что ей делать. И хочется ей помочь человеку, и страшно. Побежишь на стойбище, а там тебя люди поймают или набросятся на тебя злые собаки. Да и сам Сайгелде... Поможешь ему выбраться из беды, а он потом снова начнёт охотиться. Долго сидела выдра на ветке рядом с охотником. А тот уже совсем обессилел, безжизненно свесил голову, закрыл глаза.

— Ну, ладно, — сказала, наконец, выдра, — Я придумала, как тебе помочь. Никуда я не буду бегать, никого звать не стану. Сама тебя высвобожу. Только обещай мне, человек, что ты никогда не будешь больше убивать белок, зайцев, ни братьев, ни сестёр моих.

— Обещаю! — прошептал Сайгелде. — И сам не буду, и детям своим завещаю это, и внукам...

Перегрызла выдра верёвку, которая будто змея толстыми кольцами обвивала Сайгелде. Сначала перегрызла одно кольцо — и охотник зашевелил руками, потом второе — и Сайгелде уже смог высвободить руки и сам стал помогать своей спасительнице.

Вот уже последние путы упали на землю. Спустился Сайгелде с дерева, крепко обнял выдру, попрощался с ней.

— Смотри же, никогда не забывай своего обещания, Сайгелде! — напомнила выдра.

— Не забуду, никогда не забуду, — ответил Сайгелде.

Эту старую марийскую легенду рассказывал мне мой дедушка, когда я был маленьким. А ещё, рассказывал он, выдра считалась у марийцев священным животным. Её почитали, оберегали, устраивали в её честь празднества. В такие дни люди отправлялись в соседний лес или рощу, захватив с собой угощение для священного зверька — хлеб и чашку свежего янтарного мёда.

Я вспомнил эту легенду и дедушкин рассказ недавно, когда вдруг пришлось мне заехать в село, называвшееся Комино, что по-русски и означает — Выдра.

Наверное, назвали в старину это селение в память об охотнике Сайгелде и его спасительнице.





СОДЕРЖАНИЕ

ЧОТКАР	3
ОНАР	7
ПАКАЛДЕ	11
КАНАЙ И ДРУГИЕ	17
ОХОТНИК САЙГЕЛДЕ	21



ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Василий Юксерн
(Василий Степанович Столяров)

ЧОТКАР
МАРИЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Редактор А. Ф. Смоликов. Рисунки А. В. Фомина. Художественный редактор Р. Е. Ялгильдин. Технический редактор З. И. Охотникова. Корректор Е. М. Ясновская.

Сдано в набор 6 ноября 1974 г. Подписано к печати 13 декабря 1974 г. Формат 60×90¹/₈. Физ. печ. л. 3,5. Усл. печ. л. 3,5. Учетно-изд. л. 2,29. Тираж 100000. Заказ № 119. Бумага офсет. № 2. Цена 18 коп.

Марийское книжное издательство, 424025, г. Йошкар-Ола, ул. Карла Маркса, 43. Марийская республиканская типография, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.